

Март, проседает и голубеет снег, нет уже той белизны. Из снежного намета темнеет крыша землянки. Не составит труда заступить на неё с земли. Ветхое жилище пока стоит, приютив молодую семью. Дров и угля хватает, не мёрзнут, и если бы не перебои с зарплатой, Кирилл Кориков приступил бы к строительству нового дома уже в мае. Летом мыслит поднять стены, к осени настелить полы, перекрыть потолок, подвести газ. И поднять крышу, обязательно с мансардой. Да какое там, всё полетело в тартарары! Жалко: брус, доски, кирпич успел прикупить загодя. И какая стройка на костылях!

На пологий скат крыши, чтобы сбросить снег, ему не подняться. Того и гляди, продавит её слоистый наст. По чётким прослойкам снежного покрова можно сосчитать, сколько раз он ложился на землю этой зимой. Толстый слой снега нижний, то есть первый в этом сезоне.

Снежный удар ноября был злым и коварным. Многих людей поморозил, в гроб вогнал и, что горше всего, отнял лучшего друга. В шахте терял друзей, случались разные переделки, но эту трагедию преподнесла не подземная стихия, а природа.

На костыли хозяин землянки встаёт редко, привыкает к трости, подаренной друзьями-шахтёрами. Пожалуй, ему отменно повезло. В том повезло, что, став инвалидом, остался живым. Только левой ногой требуется протез. Хирурги отрезали половину ступни, детским стал размер ноги. Какая тут стройка: на пенсию по инвалидности новый дом не поставишь, на одной ноге не попрыгаешь. И пока не сойдёт снег, не просохнет земля, до могилы друга ему не добратся.

Накануне наведался звеньевой Алексей Селищев, протянул свою ладонь-граблю, пробасил:

– Здорово, прогульщик! Как можется?

Поймав настороженный взгляд Кирилла, объяснил:

– Не напрягайся, Кирюха. Это когда вы с Поташниковым на смену не вышли, начальник участка обозвал вас прогульщиками. Не со зла он ругался, смена была нерабочей. В тот день никто в шахту не спустился – забастовка у нас! Понятно, за обычный прогул можно лишиться премии, но пока у участка ни премии, ни зарплаты. Может, начальство что и получает, а работяги ни шиша.

Сбросив полушубок, смахнув шапку и не снимая валенок, Алексей присел к кухонному столу, выставил перед собой поллитровку водки.

– Не знаю, можно тебе? – бросил взгляд на трость. – Не побьёт меня Ольга твоей палкой?

Окинув взглядом нехитрое убранство землянки, оценив порядок и уют в скромном жилище, в душе позавидовал другу: молодец Оля, есть женщины в русских селеньях. Даром, что землянка, всё здесь под низким потолком мирком да ладком, опрятно и чисто. Кто из братьев-шахтёров не радеет за домашний уют? После шахтёрской преисподней порядок в доме снимает усталость, избавляет от хандры, особенно в такие чёрные дни.

С Алексеем Селищевым они друзья-товарищи. Живут в одном посёлке, работают в одном звене. Участок передовой, один из первых на шахте – коллектив коммунистического труда. Но в той виртуальной жизни обещали от каждого по способностям, каждому по потребностям. И как верить в эту казуистику, если за добытый уголь не платят ни копейки?

Не дожидаясь, когда на плите дойдут пельмени, гость распечатал бутылку, наполнил стопки.

– Зачем деньги? При коммунизме их не будет. К тому и приучают, – с горькой усмешкой сказал Алексей. – Ну, будем. За выходной!

– Ещё бы жратву в магазине бесплатно отпустили, – буркнул в ответ Кирилл, шагнув к плите. – Закусим пельмешками. Ты за какой выходной поднял?

– За всеобщий, пролетарский, – зло рассмеялся звеньевой. – Сегодня Транссиб соседи-капиталисты перекрывают, наша шахта на выходном. Видел бы, что на магистрали творится! Поезда стоят по часу и дольше. Пассажиры из вагонов выбегают. Кто ругается, кто поддерживает, даже деньги предлагают. Дескать, выпьете с устатку. Ни-ни, в дни забастовки – сухой закон! Накипело у людей, решились на крайнюю меру – перекрыли Транссибирскую магистраль.

– Кто бы знал эту крайнюю меру? – буркнул Кирилл, накладывая горячие пельмени в тарелки.

– Один чужак узнал, – опрокинув стопку, угрюмо сказал Селищев. – От отчаяния в ствол шахты бросился, вечная ему память. Горноспасатели кусками на-гора выдавали. Пока человек летит до нижнего горизонта, об расстрелы крепления бьётся. Ушёл, называется, от проблемы, но семье от этого не легче.

Содержимое бутылки оприходовали до возвращения хозяйки. Сидя за столом, пытались шутить. И в злой шутке есть своя правда. Скажем, соседей с «Капитальной» зовут капиталистами. Ого, слово-то какое! Шахта между тем награждена орденом Октябрьской Революции! Ясно, что наградили за стабильную угледобычу, трудовые рекорды. И обязательно накануне очередного съезда партии. Но если по-Высоцкому – где деньги, Зин? Денег нет!

Вышли на улицу и ахнули: крышу землянки подпирала длинные сосули. Сверкая на мартовском солнце, они рядом опускались до снежного наста, словно поддерживали отяжелённую снегом крышу землянки.

– Кирюха, посмотри на чудо! – широко заулыбался Селищев. – Это же крепление кровли штрека, только стойки не деревянные, а ледяные. Сделай милость, запечатай на телефон, покажешь жене с дочкой. И я сделаю кадр, покажу ребятам ледяное крепление твоей землянки.

Рано пришла весна: яркое солнце, щедрая оттепель, бойкая капель. И уже заграили на помойках чёрные головёшки, носатые грачи.

Горнорабочих очистного забоя Кирилла Коринова и Александра Поташникова, крепко сбитых сорокалетних мужиков, подружила совместная работа, а того более – увлечение охотой и рыбалкой. Мужской тандем был в меру удачлив и добычлив: с охотничьих зорь друзья редко возвращались пустыми, привозили домой дичь и рыбу. В последнее время такая добыча как нельзя кстати. Если зарплату не платят, возможность разнообразить домашнее меню дарами природы повышает жизненный тонус.

На последнюю зорьку осеннего сезона выехали на «Жигулях» Поташникова. Семья шахтёра проживала на соседней улице – Стартовой. Так вышло, что в благодатный вечер поздней осени один из друзей стартовал в больницу, второй – в небытие.

Просторный плёс разливов речки Чумляк встретил умиротворённо. Было тепло и солнечно, и кто мог подумать, что эта осенняя благодать – все-

го лишь загиши перед бурей? Быстро накатали лодку, без суеты пробросили по плёсу пару сеток. Карась на Шатрах фартовый, едва ли не в каждой заводи разный по вкусу и окрасу. Утки не летали, да друзья и не ждали. Местная птица успела уйти. Стоял чернотроп, но ноябрь – месяц предзимний. И только высоко в небе тянулись к югу запоздалые косяки пролётной птицы.

У костерка разговелись бутылочкой. Святое дело на зорьке, да что бутылка водки на двух дюжих мужиков! Для ритуального причастия, настроя души! Пока сидели, лазурь неба покрылась серой хмарью, закрапал дождь. Устав в забое после утренней смены, улеглись в машине и быстро уснули. Утром разбудил холод, пробравшийся под суконные шинели, старое стёганое одеяло. От резких порывов ветра с зарядами снега подрагивала машина. И сама она едва ли не по крышу стояла в сугробе. Вот так фокус: не таким ожидали друзья прощание с охотничьим сезоном!

Двери салона, уперевшись ногами, удалось открыть лишь с заветренной стороны. Вихрясь клубами, снег валил густо. Резкую смену погоды восприняли как сюрприз природы. О сетях пришлось забыть: по воде гуляла шуга, по плёсу резвились волны. Какие сети в ледяной мешанке! Проваливаясь в намётах снега, подтянули к машине лодку. Взяв вёсла и орудия ими подобно сапёрным лопаткам, пытались освободить машину из заноса. Быстро заоченели пальцы рук. Коринов обратил взгляд на ноги. Обут по погоде, что стояла со вчерашнего утра, – носки, тонкие портянки, сапоги. В голенища набился снег, в резиновой обуви захлапала сырость. Можно порыться в багажнике, поискать сухие тряпки на портянки, но торопились, экономя время.

Бензина кот наплакал. Посёлок в десяти километрах, заливать полный бак без надобности, да и с деньгами напряг. Дров под снегом не найти, нет на берегу хвороста. Дровишки привезли с собой, наломав сухостой в попутных берёзовых колках. Вряд ли возможно пересидеть снежную заверть. В машине холодно, костёр в снежной коловерти не разожжётся.

Чтобы выволить машину из снежного плена, необходим трактор. Решили пробиваться в ближайшее село, до него не более пяти километров. Деревенская родня в технике не откажет, непременно выручит. Путь лежит на ветер, а он дюже силён, пройдут ли? Кирилл предложил другу остаться. Непривычно бросать в поле свою машину:

– Шурик, залезай в салон, укутайся шинелями, одеяльце набрось, переждёшь буран, я мигом.

Подумав, Александр отказался:

– Нет, дружище, пойдём вместе. Сто бед, один ответ.

Знать бы наперёд, каким горем и болью отзовётся ответ.

Ориентиры выбрали правильно, но местность за белым пологом угадывалась с трудом. Прошли

километра три, когда буран расвирепел жутко, превратившись в неукротимого зверя. Ветер валит с ног, видимость такая, что протяни руку – не видно ладони.

Сколько раз пересекали эту местность вдоль и поперёк, бороздили на зимних маршрутах учёта зверей. Но нет охотничьих лыж, а видимость нулевая. И не видны ориентиры в плотной завесе снега. Догадались, что плутают давно, когда под вечер набрели на русло речки. До брода дошли через силу, заметно ослабел Поташников. Это обстоятельство напрягало и тревожило. В добычном забое не замечал Кирилл за другом такой слабости. Крепкий, жилистый, служил на границе. Ему ли, бывшему погранцу и бывалому охотнику, уставать? Но Кирилл чувствовал, что силы на исходе, друг выдохся и бороться с бураном уже не в состоянии.

Место знал хорошо: за мостком приречная луговина, дальше березняки, но и их не видно за белой стеной метели. За лесом лежит деревня, но как преодолеть ещё пару километров? Александр, утопая в снежных заносах, держался на пределе возможного. Шквальный ветер валил с ног. Обхватывая голову, друг жаловался на боль. Кирилл давно высматривал стожок соломы, копёшку сена. Друг идти не мог, аптечка с лекарствами осталась в машине.

Природа и человек – два жертвенных субъекта мира. Погибает природа, но страдает и человек. Он ничтожен, хрупок, слаб перед её необузданной мощью. Словно защищаясь и мстя, стихия сыграла с друзьями злую шутку. Ни стога, ни копны, ни старого шалаша друзья не встретили. Вокруг бушующая мгла, ни зги не видно, и час от часу крепчает мороз.

В лесу тише, но снег выше колен. Попытались разжечь костёр, гасли на ветру спички. А то, что на стволах берёзовая кора, а в ножнах охотничий нож, голова не соображала. Кирилл обрезал штанины брюк, соорудив подобие варежек для Александра, но друг изнемог совсем. Опершись грузным телом о ствол берёзы, он в бессилии подпёр лбом жёсткую кору.

Обтоптав снег, отдышавшись, Кирилл попытался найти затишье. В том же колке наткнулся на выворотень старого дерева. В воронке, похожей на берлогу, ветер лютовал тише. И корни берёзы заслоняли от непогоды. В углублении, укрывшись ветками, можно отдохнуть, собраться с силами. Когда же вернулся к стоянке, Александр не подавал признаков жизни. Положив оцепеневшее тело друга на спину, распахнув куртку, разодрав рубашку, слушал сердце на оголённой груди, судорожно прощупывал пульс на запястье. Тормошил, хлестал по щекам, вдвухвал в лёгкие воздух, до изнеможения делал искусственное дыхание, отказываясь верить в то, что произошло: Александр Поташников был мёртв.

Остаток ночи провёл у остывшего тела Александра. Сердце разрывалось от досады и бессилия. Спать хотелось так, что под ногами уплывала

земля. Сохнуть – значит поставить последнюю точку в игре со стихией. Тогда их не найдут, а дело довершат звери.

Если удастся дожить до рассвета, успокоится ли буран? Лишь тогда можно сориентироваться на местности. От вскипевшей в мозгах злобы громко матюгался, да непогоду не испугаешь. Выбраться из снежного плена необходимо любой ценой. Дома жена, дочка Снежана, любимая тёща. Назвав дочь редким именем, думал ли он, что именно снег будет испытывать его на прочность?

Оторвав голову от ствола берёзы, Кирилл осознал, что спал стоя. И ещё понял, что в берёзовом колке посветлело. Наступал рассвет: ушла свинцовая хмарь, заалели облака. Безошибочно понял, в какой стороне посёлок. Там люди, и там жизнь. Только как добраться до дома, когда снег по пояс и совсем не осталось сил. Идти надо, чтобы выжить из снежного плена себя и Шурку. Буран успокоился, за белым полем, берёзовым долом воцарилось спящее снежное царство. Адское горе, райская тишина.

Пришло утро. Кирилл понял, куда идти и где искать тело друга, если удастся добраться до посёлка. Прощаясь с другом, снял с себя куртку, стянул свитер и плотно обмотал голову Шурки. Так надёжнее: воронье глаза не выклюет, хори лицо не погрызут.

Сделав первый шаг, упал в снег всей тяжестью крупного тела. Долго лежал, вслушиваясь в толчки сердца. Перестают подчиняться ноги. Они, вероятно, обморожены. В левый сапог зачерпнул водицы, когда по шаткому мостку переходили речку. Резиновые сапоги тепло не держат, не снимать же утеплённые кирзовые с мёртвого друга. Значит, следует подняться, выпрямиться, опереться на берёзовый шест и сделать второй шаг. И так, шаг за шагом, пробивая борозду в снежном сугробе, проваливаясь, падая и вновь вставая, брести десять снежных километров.

Чувство голода, как и боль в ногах, давно припустилось. Мучила жажда, и Кирилл грыз сосульки, свисавшие с веток берёз и кустарников. Эти ледяные бриллианты повесил дождь, заморосивший вечером пятого ноября. А какое число сегодня? В голове белый туман.

Отступил мороз, пришла новая ночь, тихая, безмолвная, пугающая мёртвой тишиной. Кирилл не знал, перевалила она за полночь или нет? И все же он добрёл, дополз, докатился...

Жена Оля, медицинская сестра, всё поняла без слов. Сапоги с ног не сползали, она обрезала голенища, а ноги с вмёрзшими в калоши ступнями поставила в тазик с водой. Выбежала во двор, побежала по узкой тропе к шоссе, чтобы встретить автомобиль скорой помощи. Непросто в посёлке, по крыши землянок заметённом снегом, добраться до проезжей дороги, встретить врачей с носилками.

В больницу доставили в субботнее утро, врачей пришлось ждать до понедельника. Кирилл тихо

стонал, скрежетал зубами от боли, но терпел, как если бы превратился в кусок гранита. Ставили уколы, проводили манипуляции, а он боялся одного – ампутации. Предчувствие не обмануло. Приговор врачей прозвучал жёстко: спасти нельзя резать. До последнего не знал Кирилл, где хирурги поставят запятую.

Спасибо кудеснику-врачу, упорству и поддержке жены: ступню правой ноги удалось спасти. Отрезали только половину левой.

Кирилл смутно помнил, как приходили в палату друзья-шахтёры, спасатели. Задавали вопросы, пытаясь понять, где искать Поташникова. Протягивали бумагу, карандаш, карту, а в его голове стоял всё тот же белый туман.

Из бокса военно-технической школы выгнали технику, арендовав гусеничный вездеход. Искали три дня, возвращаясь на базу только на дозаправку. Искали шахтёры его звена, бороздившие белое лесное безмолвие на широких охотничьих лыжах. Большая удача, что тело не ушло под снег до весны.

Копка могилы далась легче. Земля в период осеннего бесснежья успела промёрзнуть, ну да

шахтёрам не привыкать. Когда рубят уголь, берут любую твердь.

Молодой священник долго и скучно отпевал Шурку, превратив заупокойную в лекцию. Дескать, пить у могилы, поминать горячительными напитками на погосте – грех и кощунство. Умолк, когда процессия зароптала и зазвучали язвительные реплики.

– А что, мужики, – обратившись к звену, пробасил на очередном наряде громогласный звеньевой Алексей Селищев, – не боится ГРОЗ (горнорабочий очистного забоя) угрозы! Пока шахта бастует и мы вместе, поднимем нашему прогульщику Кириллу стены дома. Фундамент готов, брус, сам видел, просох. Его-то землянка того и гляди завалится.

Оглядев забойщиков, Алексей смущенно отвёл глаза: своих товарищей мог и не спрашивать. По привычке щёлкнув пальцами, сказал:

– Ша-а-а! Все добровольцы, вот и славно! Ещё предлагаю сброситься. Поставим Сашке Поташникову памятник из гранита. Пока на могиле только крест от властей. Денег нам не платят, так на святое-то дело наскребём. Единогласно? Принимается!